

А. В. Павлова

ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕКСТА, ОТВЕЧАЮЩИЕ ЗА «ВПЕЧАТЛЕНИЕ ПЕРЕВОДА»¹

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о факторах, которые «в ответе» за наше впечатление от текста как от переводного или оригинального. Предположительно за впечатление переводного (вторичного) отвечают нарушения узуса (а не языковой нормы) и некоторые логические несообразности. Однако эти предположения требуют подтверждения или опровержения экспериментальным путем. Здесь излагается идея подобного эксперимента.

Ключевые слова: переводной текст, оригинал, узус, языковая норма, впечатление, логические связи, гипотеза, эксперимент

TEXT FEATURES WHICH INFLUENCE OUR IMPRESSION OF TEXT AS A “TRANSLATED ONE”

Abstract: The paper deals with the problem “Impression of a text as a translated one or an original one”. The analysis of many texts let us suggest that contradiction between usage of words and forms and “Language Usus” is the main factor which is “responsible” for our impression of a text as a translated one. Errors in the area “Language Norm” are not as critical regarding our “translation-impression”. Another signal of a translated text could be a damage of some logic connections and coherences. But these hypotheses should be proved by a statistically reliable experiment.

Key words: Usus, Language Norm, translated texts, impression, logic coherences, hypothetic, experiment

1. Введение: постановка задачи

Основная цель данной статьи состоит в попытке ответить на вопрос: Какие стороны текста однозначно указывают на то, что перед нами перевод? Казалось бы, первым и однозначным признаком – по крайней мере, плохого – перевода является языковая ошибка. Но всегда ли она заметна? Да и мало ли ошибок в оригинальных текстах...

Чисто интуитивно можно предположить, что у идеального по языковому составу и по соблюдению особенностей прагматики (если не считать, что прагматика лингвистична) текста нет характеристик, способных рассматриваться как признаки того обстоятельства, что текст переводной.

¹ Публикация первоначальной версии настоящей статьи помещена в сб.: Проблемы теории, практики и дидактики перевода. ..., Нижний Новгород, 2015. (В печати). Вторая (актуальная) версия возникла с учетом рекомендаций Д.М. Бузаджи, которого автор благодарит за доброжелательную поддержку данного проекта.

Культурные реалии, иностранные имена и топонимы – все это не является сигналами переводного текста. У текста же, содержащего ошибки (грамматические, стилистические, лексические), шансы произвести «впечатление перевода» повышаются.

Вероятность восприятия текста как вторичного (переводного) тем выше, чем яснее, что ошибки вызваны интерференцией с языком оригинала. Именно о таких текстах принято говорить, что они «переведены буквально», что является обычно отрицательной характеристикой качества перевода (разве только буквальный перевод был целью подстрочника).

Однако об интерференции имеет смысл вести речь в первую очередь тогда, когда известна пара контактирующих языков и ясны те «каналы», по которым один язык (в данном случае ИЯ) влияет на другой (ПЯ). Например, если понятно, что употребление неверного управления глагола в ПЯ вызвано влиянием управления его эквивалента в ИЯ. Иногда можно опознать интерференцию не с конкретным языком, а с языковой группой. Например, обилие притяжательных местоимений в русском способно сигнализировать интерференцию с одним из германских языков, а неуместное употребление местоимения *один* является, скорее всего, признаком перевода с артиклевого языка. Если же такие «ходы» неясны и мы не знаем, действительно ли перед нами ошибка как результат интерференции, то за «впечатление перевода» должны отвечать какие-то иные факторы. В них-то и предстоит разобраться.

Ниже будут представлены некоторые гипотезы, которые стоило бы подтвердить или опровергнуть экспериментальным путем, а также описание возможного эксперимента (опроса). О проведении и результатах эксперимента будет сообщено в следующей статье – продолжении данной.

2. Первоначальные впечатления от текстов в аспекте их «первичности» или «вторичности»

Прежде чем перейти непосредственно к формулировке гипотез, рассмотрим несколько текстовых отрывков, чтобы попытаться ответить на вопрос, какие именно текстовые характеристики в ответе за «впечатление перевода» («вторичность» текста). Художественная литература здесь рассматриваться не будет. Выбраны нехудожественные современные тексты. Чтобы не было «подсказки», были отобраны только такие тексты, в которых либо упоминаются «иностранности» реалии, либо идет речь об общих культурно-нейтральных темах – таких, как здоровье, поиск работы, путешествия. Происхождение текстов здесь намеренно не упоминается, однако в конце статьи есть ссылки на оригиналы. Первоначальное

впечатление от текстов в данном разделе чисто субъективное (интроспективное) и не должно полностью совпадать с впечатлением читателей этой статьи.

- 1. В исследовании приняли участие около 120 человек, искавших работу. Люди, которые привыкли учиться в любой жизненной ситуации, или те, чьей целью было получение нового опыта, чаще добивались своего. Участники, желавшие чему-то научиться, в случае неудачи прикладывали больше усилий к процессу поиска, в отличие от тех, кто не ставил перед собой подобной цели. Кроме того, если поиски протекали успешно, те, кто привык из всего извлекать уроки, старались так же, как раньше, или еще сильнее. У добровольцев, которые к этому не стремились, продуктивность, наоборот, снижалась. Исследователи отмечают: такую цель может поставить перед собой любой человек. Люди, желающие получить новый опыт, лучше справляются со стрессом. Он их мотивирует. Соискателям следует понимать, что неудачи в процессе поиска работы – это не так уж и плохо. Они позволяют извлечь урок и решить, как поступить в следующий раз. Размышляя о своих ошибках, человек многое понимает, и его шансы на успех повышаются.*
- 2. В течении следующей пары дней Руджерри и ее команда допросили каждого члена семейства Гамбиразио, пытаясь обнаружить следы раздора. <...> С наступлением зимы, Брембате-ди-Сопра оказался в центре внимания всей страны, захватив воображение ее жителей. Итальянское ТВ изобилует криминальными новостями, и вот группы телевизионщиков с центральных каналов съехались в этот городок. Семья Гамбиразио была в ужасе от столь внезапного общественного внимания. Камеры стали частью их повседневности. Семья заперлась дома и закрыла ставни и даже отказалась от участия в мероприятиях призванных привлечь к проблеме общественное внимание. Вместо этого монахини-урсулилки, преподававшие в школе, где училась Яра пришли помолиться с Маурой. Семье оставалось только молить окружающих предоставить им покой.<...> В отчаяние узнать о судьбе пропавшей дочери семья Гамбиразио всё-таки поделилась ее фотографиями с прессой спустя несколько дней после исчезновения. Распространив различные снимки с девочкой, родители ожидали получить полезную информацию, но такой не последовало. Семья выглядела потерянной в момент своего первого появления на телевидении, после рождественских праздников. Маура чувствовала себя неловко и неосознанно постоянно закатывала глаза. <...> Руджерри решила сконцентрироваться над единственной существенной зацепкой в этом деле – ДНК.*
- 3. Прага – Мекка для любителей пива. Честное слово, это – случайность. Ну что поделаешь, если бархатное чешское пиво такое вкусное, что его любят даже те женщины, которые вообще-то это самое пиво ненавидят. Впрочем, пить пиво – это далеко не единственное и даже не самое главное, что нужно делать в Праге. Хотя это и неизбежно, как прогулка по Карлову мосту или посещение Пражского Града – крепости, первые постройки которой появились еще в VI веке.*

Только не забудьте, что Прага – это еще и шедевры архитектуры в стиле ар-нуво, еврейский Йозефов квартал, заставляющий вспомнить о Франце Кафке и Гюставе Майнринке с его «Големом». Все это – вместе с Пражскими курантами, Пороховой башней, музеем Альфонса Мухи и Тынским храмом – создает удивительный, странный, романтический образ города, в который вам захочется вернуться, потому что Праги никогда не бывает достаточно. И пиво тут ни при чем.

4. *<...> То, что для жителей Германии при покупке еды решающим критерием все чаще становится качество, а не цена, констатировали прошлой осенью и участники состоявшейся в Гамбурге конференции маркетологов и рекламищиков, проведенной немецким медиа-холдингом Bauer Media Group. Он выпускает, среди прочего, целый ряд кулинарных журналов, а потому внимательно отслеживает тенденции на продовольственном рынке. В сообщении для прессы, опубликованном по итогам конференции, отмечаются шесть ключевых с маркетинговой точки зрения трендов на немецком рынке продуктов питания. <...> На первом месте идет стремление потребителей иметь больше информации о приобретаемых продуктах питания. <...> Еще одним важным трендом является стремление покупателей сделать что-то полезное для своего здоровья и хорошего самочувствия. Одновременно жители больших городов хотят покупать и принимать пищу по как можно более гибкому графику, поскольку современная трудовая и личная жизнь тоже требует от них гибкости.*
5. *Экономические проблемы, возникшие в связи с неудачно спланированным вхождением Италии в зону евро, поддержка операций США в Афганистане, а затем в Ираке привели к сокрушительному поражению коалиции «Дом свободы» на региональных выборах в 2005 году. В 2006 году Берлускони ушел в отставку. На выборах, состоявшихся в апреле 2008 года, новая партия Берлускони «Народ свободы» и ее союзники по правоцентристской коалиции одержали победу и получили большинство в обеих палатах итальянского парламента. Осенью 2011 года из-за перебежчиков «Народ свободы» потерял большинство в парламенте, и 12 ноября 2011 года Берлускони ушел в отставку с поста премьер-министра. Притчей во языцех стала дружба Берлускони с бессменным главой российской власти (то в роли президента, то премьера) Владимира Путина.*

Текст 1 прямых ошибок не содержит, но производит впечатление «нерусского» из-за непривычных для русских оригинальных текстов конструкций и оборотов. Кроме того, если поиски протекали успешно, те, кто привык из всего извлекать уроки, старались так же, как раньше, или еще сильнее – так не принято изъясняться в оригинальных текстах, хотя здесь, казалось бы, нет нарушений каких-либо норм, – во всяком случае, претензии к автору-переводчику трудно сформулировать. По-видимому, в этом тексте нарушен узус, хотя формализовать этот упрек довольно сложно.

Странной и алогичной кажется также фраза в середине текста *Исследователи отмечают: такую цель может поставить перед собой любой человек.*

Неясно, какую именно цель может поставить перед собой любой человек.

Обилие ошибок в тексте 2 – как в области нормы, так и в сфере узуса – свидетельствует о том, что это плохой перевод, причем не исключено, что он выполнен даже не носителем русского языка. Возможно также, что для перевода использовалась компьютерная программа, после которой пользователь попытался поправить стиль, что ему явно плохо удалось.

Текст 3 дает основания предположить, что перед нами перевод. Как и в тексте 1, здесь нет прямых ошибок (если не считать ошибками использование «авторских» тире) и даже меньше прегрешений против узуса, чем в тексте 1. Но здесь есть логические несообразности. Например: что предлагается понимать под *это* в предложении *Честное слово, это – случайность?* Что именно случайность? То, что Прага – Мекка для определенной группы населения? Или то, что в ней есть пиво? Или что оно такое вкусное? Такое впечатление, что переводчик сам не очень понимает, что хочет сказать. Далее, нельзя любить и ненавидеть одновременно один и тот же объект (это возможно разве что в философской литературе, а здесь речь идет о пиве, которое какая-то группа женщин любит и ненавидит). Крайне неудачной является фраза *Хотя это и неизбежно – сквозь нее надо «продираться»*, чтобы понять, что именно неизбежно и почему здесь употребляется уступительная конструкция. Кроме того, если пиво упоминается в тексте на первом месте и ему посвящено столько внимания, то почему же оно оказывается в конце текста *ни при чем?* Но последнее замечание, скорее, претензия к оригиналу.

Текст 4, возможно, представляет собой оригинал. В нем не ощущается нарушений языковой нормы или узуса. Однако не исключено, что это перевод, выполненный профессионалом своего дела.

Наконец, 5-й текст, несмотря на грубые прегрешения против нормы (орфографической и грамматической), скорее всего, представляет собой оригинал. В нем нет отступлений от узуса.

Кроме текстов-оригиналов и текстов-переводов, встречаются тексты смешанного типа: отчасти они являются оригиналами, отчасти переводами. Повествуя о событиях, информация о которых почерпнута из зарубежной прессы, журналисты иногда формулируют мысли самостоятельно, а в других участках текста прибегают к переводам из источников – например, цитируя кого-либо. Но и без цитирования часто ощущается влияние синтаксиса и лексики оригинала на пересказ. Такого рода тексты можно называть «переводы-пересказы». Например:

Аткинсон купил авто около десяти лет назад, а теперь, по мнению актера, «пришло время сделать его доступным для кого-то другого». Спортивная модель McLaren F1 GTR имеет максимальную скорость по спидометру 240 миль в час (380 километров в час). За 10 лет эксплуатации автомобиль прошел около 41 тысячи миль (66 тысяч километров), которые владелец накрутил в поездках по магазинам, отвозя детей в школу. Суперкар известен тем, что Аткинсон дважды попадал на нем в ДТП. В 1999 году был полностью разрушен капот автомобиля, и на ремонт понадобилось 100 тысяч фунтов. В августе 2011 года комик попал на этом автомобиле в тяжелую аварию: машина врезалась последовательно в дерево и столб, а потом загорелась. На ремонт ушел год и миллион фунтов стерлингов. По оценке The Independent, эта была рекордная на то время сумма, затраченная на восстановление автомобиля.

Выражения *сделать его доступным, для кого-то другого, последовательно врезалась в ...*, рекордная на то время нарушают узус и обеспечивают впечатление неестественности и вторичности. В принципе, такого рода тексты по производимому ими впечатлению мало чем отличаются от (плохих) переводных. Поэтому тексты этого типа будут в дальнейшем включаться в переводные, и специально отмечать их смешанный тип не планируется.

Произведенные здесь беглые наблюдения подводят к формулировке гипотез.

3. Гипотезы по результатам предварительного анализа текстов

1) По-видимому, за «впечатление перевода» отвечают два фактора: обнаружение нарушений узуса и отыскание логических несообразностей. Ошибки, нарушающие языковую норму, к факторам, коррелирующим с «переводной» природой текста, не относятся. Это и будет первой гипотезой.

Прежде чем сформулировать дальнейшие, обратимся к примеру, связанному с недавними событиями политической жизни. 21-го января 2015 года президент США Барак Обама заявил, что экономика России «разорвана в клочья». Во всяком случае, это утверждает РИА Новости и повторяет вся российская пресса. Казалось бы, фраза Обамы в ее русском воплощении должна была бы насторожить журналистов и читателей в первую очередь своей странной формой: с объектом *экономика* не принято связывать коллокацию *разрывать в клочья*. В действительности Обама сказал *in tatters*, что в связи с *экономикой* принято переводить *в тяжелом состоянии, в кризисном состоянии, разрушена*. Высказывание Обамы вызвало шквал возмущения среди российских политиков, политологов и блогеров. Казалось

бы, никто сейчас уже не сомневается в том, что российская экономика переживает тяжелые времена, и об этом говорят все экономисты в прессе и на конгрессах. По-видимому, возмущение вызвала именно метафора *разрывания в клочья*, вызывающая крайне негативные эмоциональные ассоциации.

Здесь налицо два интересных для лингвиста факта: во-первых, лишний раз подтверждается, сколь критичен плохой перевод, особенно в сфере «высокой» политики (не говоря уже о медицине, технике, юриспруденции). Во-вторых, обнаруживается отсутствие «чувства языка» у массы людей, для которых язык, казалось бы, является основным профессиональным инструментом. То, что журналисты и редакторы перепечатывают неверный перевод, не пытаясь выяснить, действительно ли Обама выразился именно таким образом, не может не настораживать языковедов. Крепнет подспудное подозрение, что порог чувствительности к нарушению нормы и узуса в российском обществе заметно понижен.

В последние пятнадцать лет российские СМИ и переводная литература резко снизили уровень грамотности. Читатели к безграмотности настолько привыкли, что практически полностью или, по крайней мере, отчасти перестали ее замечать. Авторы ослабили требования к себе, так что на этапе редактирования собственных произведений они часть ошибок попросту не исправляют. Вероятно, они их не видят или, если и замечают, считают их пустяковыми. Для перевода иностранной прессы на переводчиках принято экономить: журналисты многих газет и интернет-порталов переводят иностранные тексты самостоятельно, что негативно сказывается на качестве текстов. Это, однако, не означает, что профессиональные переводчики всегда переводят идеально. То, что они регулярно грешат против языковой нормы и узуса, бросается в глаза при чтении переводной литературы. К этому необходимо присовокупить и экономию на профессиональных корректорах. В целом приходится констатировать возросшую толерантность относительно ошибок в письменной речи как социальное явление. Например, плохое качество перевода романа «Смятение сердца», казалось бы, очевидно: *Перестань, папа! – крикнула Сэйбл в ужасе и, поскольку отец продолжал подступать к колыбели, повисла на его рукаве. – Вспомни, через что пришлось пройти Лэйн!» – «Я помню, тыквочка, хорошо помню», – Кавано оскалится в зловещей улыбке.* (Эми Фетцер. Смятение сердца. Переводчик неизвестен)². Однако отзывы читателей в блогах в основном восторженные, причем хвалят именно перевод и «стиль».

² См.

<http://www.ruslit.net/preview.php?path=%u041B%u044E%u0431%u043E%u0432%u043D%u044B%u0435%20%>

Ошибок явно перестают стыдиться, к ним начинают относиться индифферентно, и абсолютная грамотность перестает быть той доблестью, к которой стоило бы стремиться. Обилие малограмотных текстов, которые приходится ежедневно читать, по всей вероятности, не может не притуплять порог «болевой чувствительности».

Все эти наблюдения воплощаются в двух следующих гипотезах, которые формулируются следующим образом:

2) *Переводческие ошибки в области нарушения языковой нормы и узуса проживающая в России образованная часть населения замечает в меньшей степени, чем образованные русские, проживающие за рубежом в первом поколении.*

3) *Переводческие ошибки в области нарушения языковой нормы и узуса проживающая в России образованная часть населения замечает в зависимости от возраста: люди старшего поколения (старше 50) чувствительнее к ошибкам, чем люди молодые.*

Все три сформулированные здесь гипотезы требуют экспериментального подтверждения или опровержения. Однако еще до проведения эксперимента стоит поразмыслить, выдерживают ли они проверку путем чисто логического анализа. Например, не ошибка ли считать нарушения узуса всегда признаком «вторичности» текста? И правильно ли предположение, что логические несообразности также можно расценивать как сигнал (не слишком удачного) перевода? Разве мало нарушений логики в оригинальных текстах? И почему в переводах вообще могут наблюдаться алогизмы, если их нет в оригинале? Эти соображения заслуживают того, чтобы рассмотреть их более пристально. Но прежде стоит освежить в памяти, что такое норма и узус.

4. Языковая норма и узус

О роли нормы и узуса для качества перевода В.Н. Комиссаров писал: «В каждом языке имеются общеупотребительные формы и структуры и малоупотребительные, хотя и соответствующие норме языка. Если нарушение нормы языка делает речь неправильной, неграмматичной, то нарушение узуса делает ее неестественной, неидеоматичной. По-русски можно сказать „Ответь на телефонный звонок“ (ср. англ. „Answer the telephone“), но обычно говорят „Возьми трубку“. Запретить мять траву

[u0420%u043E%u043C%u0430%u043D%u044B/%u0424%u0435%u0442%u0446%u0435%u0440%20%u042D%u043C%u0438/&fname=%u0421%u043C%u044F%u0442%u0435%u043D%u0438%u0435%20%u0421%u0435%u0440%u0434%u0446%u0430.txt.](http://www.thinkaloud.ru/sciencelr.html)

можно надписью „Держись подальше от травы“ („Keep off the grass“), но пишут совсем другое: „По газонам не ходить“. Одно из важных требований к переводчику заключается в соблюдении правильности языка, на который делается перевод. Если нарушение нормы языка в переводе – явление сравнительно редкое, то соблюдение узуса требует от переводчика особой бдительности» [1. С. 33].

В Энциклопедии «Кругосвет» в статье, посвященной языковой норме [2], автор (по-видимому, Л.П. Крысин, хотя автор непосредственно не указан) пишет, в частности, следующее: «Литературная норма отличается рядом свойств: она едина и общеобязательна для всех говорящих на данном языке; она консервативна и направлена на сохранение средств и правил их использования, накопленных в данном обществе предшествующими поколениями. В то же время она не статична, а, во-первых, изменчива во времени и, во-вторых, предусматривает динамическое взаимодействие разных способов языкового выражения в зависимости от условий общения (последнее свойство нормы называют ее коммуникативной целесообразностью). Единство и общеобязательность нормы проявляются в том, что представители разных социальных слоев и групп, составляющих данное общество, обязаны придерживаться традиционных способов языкового выражения, а также тех правил и предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях и являются результатом кодификации. Отклонение от языковой традиции, от словарных и грамматических правил и рекомендаций считается нарушением нормы и обычно оценивается отрицательно носителями данного литературного языка».

Замечание о том, что нарушение нормы должно замечаться носителями данного литературного языка, для целей настоящей работы чрезвычайно важно.

Далее в той же статье читаем: «Языковая норма – одна из составляющих национальной культуры. Поэтому разработка литературной нормы, ее кодификация, отражение нормализаторской деятельности лингвистов в грамматиках, словарях и справочниках имеют большое социальное и культурное значение».

В этой же статье «Энциклопедии» указано, что у понятия «норма» два толкования – широкое и узкое. В широком смысле под нормой понимают «традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов. В этом понимании норма близка к понятию узуса, т. е. общепринятых, устоявшихся способов использования данного языка». Не вполне ясно, что означает «близка»: по-

видимому, термин «норма» в широком смысле является полным синонимом термина «узус».

К сожалению, рамки статьи не позволяют углубиться в исключительно сложный и не до конца исследованный аспект соотношения нормы и узуса и осветить его должным образом. В настоящей работе термин «норма» используется только в узком понимании, а термин «узус» означает то же, что «норма» в широком понимании. Определить нарушения нормы в области орфографии и грамматики довольно просто: написания *в течении* (какого-либо периода) или *всвязи* – это нарушения орфографической нормы. Местоимение *ихний* – узуально, но ненормативно. Употребление наречия *спонтанно* во фразе *Мы спонтанно купили билеты в театр* (из сочинения немецкоязычной студентки) не противоречит норме, но не отвечает узусу. Однако встречается немало случаев, когда сложно бывает сказать, нарушена норма или узус.

То, что понятия нормы и узуса пересекаются, объясняется как минимум тремя обстоятельствами. Во-первых, норма подвижна и меняется под «давлением» узуса. Например, когда-то в школе нас учили, что русские топонимы на «-о» (*Комарово, Репино*) меняют окончания по падежам (*в Комарове, из Репина*); сегодня узус, согласно которому эти слова не изменяют падежных окончаний, превратился в норму, так что формы *отдыхаю в Комарово, приехал из Репино* нельзя рассматривать как нарушение нормы. Во-вторых, отражение языковой нормы в словарях и грамматиках далеко не полное. Наибольшие трудности возникают с коллокациями. Специальных словарей сочетаемости мало, и они по объему невелики, а толковые словари русского языка содержат недостаточно информации о допустимости сочетаний слов. Наиболее полный словарь современного русского языка – Академический 17-томный – заметно устарел, а новый 30-томный, выпускаемый ему на смену (3-е издание), пока опубликован только частично. Кроме того, словарь этот очень дорогой, и его может позволить себе иметь далеко не каждый. К этому нужно добавить, что даже столь полный и подробный словарь не в состоянии отразить всего многообразия допустимой сочетаемости и предостеречь от ошибок. По всем этим причинам бывает непросто определить, что перед нами – нарушение нормы или узуса. В-третьих, справочная литература по культуре речи, несмотря на обилие наименований, особенно в нынешнее время, не способна вобрать в себя все рекомендации по употреблению слов – это невыполнимая задача.

Некоторые случаи однозначны. Так, управление глагола *сконцентрироваться над чем-либо* неверно согласно норме: у глагола

сконцентрироваться другое управление, и оно зафиксировано в словарях. И наоборот: словосочетание *неосознанно постоянно закатывала глаза* норму не нарушает, и здесь перед нами прегрешение против узуса, потому что оно ощущается как странное, непривычное. Но можно ли утверждать, что сочетание слов *захватить воображение* ненормативно? Или это нарушение узуса? *Что-либо захватило мое воображение* сказать вполне можно. Почему же в тексте 2 это же словосочетание выглядит неуместным? На этот и подобные вопросы непосредственных ответов мы не найдем, потому что в грамматиках, в словарях и в справочниках по культуре речи невозможно предостеречь от каждого «неверного» словоупотребления.

По-видимому, в области нормы и особенно узуса важен широкий и узкий контекст – тема, стиль, непосредственное соседство с другими фразами. Все это ни в одном справочнике не описать, и в области определения ошибки в плане прегрешения против узуса многое отдано «на откуп» критикам, а сама критика неизбежным образом остается на уровне «вкусовщины» и «ощущений». Субъективизм здесь неизбежен.

Теперь стоит вернуться к соображениям относительно того, любые ли нарушения узуса и всякая ли логическая несообразность способны породить «впечатление перевода».

5. Нарушения узуса

Рассмотрим оригинал, пестрящий ошибками:

Первый номер Charlie Hebdo после расстрела редакции вышел невероятным рекордным тиражом. Миллионы экземпляров расхватывали в считанные минуты и те, кто покупали еженедельник, видели на первой полосе рисунок. Мужчина условно похожий на Пророка держит в руках плакат «Я – Шарли» и рядом подпись «Всё прощено». По-моему, рисунок гениальный. Гораздо более мощный, чем привычные карикатуры этого издания и его даже карикатурой назвать нельзя. Я специально так подробно описываю это известное изображение, потому что я фактически описываю вам состав преступления. Именно за это изображение теперь предупредили газету РБК, а кроме нее за публикацию так называемых карикатур желтые карточки схватил еще десяток СМИ. <...> Ни электронного периодического издания «Век», ни «Мурманского вестника», ни прочих предупрежденных изданий я сроду ни читал и в руках не держал. Я видел нехороший рисунок на экране телевизора. Но телевизор никак не наказан. Получается, что санкции какие-то выборочные.

Помимо бесчисленных ошибок в пунктуации, этот отрывок из оригинального текста профессионального журналиста содержит еще как минимум две ошибки в словоупотреблении: вместо *схватили* должно было бы стоять *схлопотали* (разг.) или *получили* (нейтр.), а вместо *выборочные* –

его пароним *избирательные*. Неверное словоупотребление можно расценивать здесь как нарушения узуса. Тем не менее, этот текст не производит впечатления переводного. По-видимому, впечатления вторичности текста не возникает из-за сравнительно малого количества отступлений от узуса.

Далее, существует масса словоупотреблений, нарушающих узус и при этом ошибочными не являющихся – во всяком случае, как таковые не воспринимаемых. Речь идет об окказиональных (авторских) метафорах. Не может быть согласно узусу ни *воспитательного вздоха*, ни *замшевой походки*, в то время как у Набокова в «Защите Лужина» есть и то, и другое, и еще много всего, что узусу противоречит и при этом является не прегрешением, а обогащением художественного стиля и средством создания яркой образности.

К сожалению, ни в одном лингвистическом описании того, что такое норма и узус, не отыскать ответа на вопрос, почему одни нарушения узуса вызывают отторжение и протест, а другие восхищение и восторг. В данной работе тоже не удастся вникнуть в эту область; остается лишь констатировать, что нарушения узуса нельзя расценивать исключительно как ошибки или недочеты, и для точной квалификации этих явлений требуется привлекать контекст. Это могло бы дать повод для формулирования очередной гипотезы, требующей проверки. Однако в рамках небольшой статьи нет возможности уделить ей время.

6. Прегрешения против логики и здравого смысла

Нарушения логики и того, что принято именовать «здравым смыслом», то есть «фоновых знаний» и сложившихся в процессе накопления жизненного опыта стереотипов (взглядов, представлений и обусловленного ими опережающего ожидания – антиципации), могут быть двух типов: намеренные и ненамеренные. На намеренных противоречиях между актуальным поворотом событий и антиципацией адресата построено огромное число шуток, анекдотов, афоризмов, «абсурдов» как риторических фигур и художественных приемов. Например, знаменитая чеховская сентенция *Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда* является откровенным прегрешением против элементарной логики и именно благодаря этому вошла в русский язык как крылатое выражение, до сих пор вызывающее улыбку, несмотря на его частое употребление. Другие нарушения требований к логичности постоянно встречаются в публицистике. Они подразделяются на намеренные попытки манипулирования мнением

читателя и на ненамеренные заблуждения или просто глупости. При этом тексты, о которых здесь идет речь, обычно не производят впечатления вторичных (переводных), даже если «глупости» читателю очевидны.

Сравним два небольших текста, содержащих «глупости». Для того, чтобы исключить влияние «инострannого фона», имена собственные из текстов изъяты.

- 1) *Преступник расстрелял двух стражей порядка во время церемонии принятия присяги. Ответным огнем злоумышленник был убит. Двое раненых полицейских госпитализированы. Их жизнь вне опасности. <...>Происходящее зафиксировали на видеокамеры. Сразу после громких хлопков присутствующие в зале чиновники попадали со стульев и спрятались под столами. «Всем лечь!» – командовал один из очевидцев. А член городского совета <...>, не уходя из президиума, достал свой пистолет и направил его в зал, целясь бандита. Впрочем, как сказал другой очевидец, преступник вел огонь вслепую, через закрытую дверь. И его, вероятно, не было видно собравшимся в зале.*
- 2) *Как-то, пася коз на горе, я услышал отчаянные крики. Мне стало не по себе, но я сразу помчался на помощь. Приближаясь, я узнал старого пастуха, тот прыгал, бесновался и кричал несвязанные слова. В этот момент я понял, что не смогу ему помочь, мне нужно было заручиться поддержкой товарищей. Позвав других пастухов на помощь, мы вернулись к расселине, вытянули старика и начали его расспрашивать, что с ним случилось и как он потерял рассудок. Старик нам рассказал, как, спасая свою козу, он наткнулся на то странное место с расселиной, которое взялось неведомо откуда. Из расселины шли дурманящие пары. Подышав ими, каждый делался безумным.*

Оба текста обнаруживают странные противоречия «локального» характера. Кто-то достал пистолет, *не уходя из зала* – зачем бы он стал доставать его, выйдя из зала? Если преступник вел огонь из-за закрытой двери, то почему его лишь *вероятно* не было видно? Вряд ли дверь была стеклянная. И как в него можно *целиться*? Откуда пастухам знать, что старик потерял рассудок лишь на время и что после спасения он вновь его обрел? Как старику знать, что каждый, кто надышится парами, идущими из расселины, теряет рассудок, если он впервые в жизни увидел это странное место? Во втором тексте есть и прямые нарушения нормы: неверно употреблен деепричастный оборот, использовано слово *несвязанные* вместо *бессвязные*.

Иными словами, существенных различий в степени алогичности между обоими текстами обнаружить не удастся. Оба производят впечатление странных и, скорее, переводных. При этом первый текст действительно является переводом-пересказом, а второй оригиналом (это отрывок из изложения одной русскоязычной студентки). Таким образом, получается, что

производить впечатление вторичных, переводных, могут и тексты-оригиналы. В то же время глобальное нарушение логики и противоречие здравому смыслу обычно не приводят к ощущению вторичности соответствующих текстов. Например, публичное утверждение некой высокопоставленной чиновницы, что изучение иностранных языков в школах противоречит российским традициям и потому должно быть сокращено, являясь прямой глупостью, не вызывает впечатления переводного. Судя по всему, «локальные» алогизмы скорее «тянут» на впечатление перевода, чем глобальные нелепости. Это необходимо учитывать как в проведении эксперимента, так и в выводах.

Неизбежным образом встает вопрос, почему вообще алогизмы могут быть связаны с ощущением «вторичности» текста. Ведь вряд ли «иностранные» тексты, переведенные таким образом, сплошь написаны с вкраплениями алогизмов. Во всяком случае, при чтении оригинальных текстов хорошего качества такого впечатления не возникает. По-видимому, слабые переводчики просто неточно передают логические связки и переходы. Возможно, они игнорируют или неверно переводят логические частицы, союзы, местоимения, некоторые наречия – те «мелкие слова», которые отвечают за связность и последовательность текстовых частей. Но, как можно было убедиться, тем же «недугом» могут страдать и плохие тексты-оригиналы.

«Впечатление перевода» обусловлено, по всей вероятности, лишь определенными типами логических огрехов. Опять-таки и это предположение гипотетично и требовало бы перепроверки. Кроме того, классификаций прегрешений против здравого смысла встречать в литературе не доводилось, а составление подобной классификации потребовало бы колоссальных затрат.

Пока ограничимся только составлением плана будущего опроса, проводимого в соответствии с сформулированными в разделе 3 гипотезами, но не забывая о сомнениях, высказанных в разделах 5 и 6.

7. План эксперимента

Для проверки и верификации гипотез можно провести статистически убедительный опрос, организовав его следующим образом. Образование опрашиваемых – высшее гуманитарное, желательно филологическое или сопоставимое с ним (журналисты, редакторы, историки). Опрос проводится в четырех группах, равных по численности (минимум 25 человек в каждой). Первую группу составляют люди, проживающие в России, старше 50 лет.

Вторую – россияне от 18 до 40. Третью – эмигранты первого поколения старше 50, сохраняющие связь с русской культурой. Четвертую – эмигранты того же круга, но в возрасте до 40. Всем группам предлагается оценить семь небольших текстов на предмет того, перевод перед ними или оригинальный текст. Далее, предлагается оценить текст как корректный (соответствующий норме) или как содержащий ошибки. Если участники опроса воспринимают текст как перевод, желательно объяснить, на чем основано это ощущение. При этом необходимо напомнить испытуемым, что такое языковая норма, что считать грамматическими, орфографическими и лексическими ошибками. Узус в формулировке задач не упоминается. Предполагается, что критика узуса будет сформулирована фразой «Вроде бы, все правильно, но так не говорят» или сопоставимой с ней по смыслу формулировкой. Предлагаемые тексты имеют следующие характеристики:

- 1) оригинальный текст без нарушений нормы или узуса, корректный по логике;
- 2) оригинальный текст с грамматическими или лексическими ошибками (нарушение нормы), но корректный по логике;
- 3) переводной текст без каких-либо отступлений от нормы или узуса и корректный по логике;
- 4) переводной текст с нарушениями узуса, но без нарушения нормы, корректный по логике;
- 5) переводной текст с нарушениями нормы, но корректный по узусу и по логике;
- 6) переводной текст без каких-либо отступлений от нормы и узуса, но содержащий явно логические несообразности;
- 7) оригинальный текст, в остальном полностью соответствующий характеристикам текста (6), т.е. нарушающий логику или противоречащий здравому смыслу.

Представляется, что результаты подобного опроса помогут найти те признаки, по которым переводчик определяет, оригинал перед ним или переводной текст. Понятно, что переводчик делает это уже и сегодня – чисто интуитивно. Однако формализация наших интуитивных ощущений и догадок могла бы дать этим не вполне ясным и обычно не вербализуемым ощущениям некоторое лингвистическое обоснование. Если гипотезы подтверждаются, тогда становится яснее, почему безупречные тексты не производят впечатления переводных. О такого рода переводах, читаемых как оригинал, мечтал еще Юджин Найда. И наоборот: вполне возможно, что алогичные оригиналы будут производить впечатление (плохих) переводов. Тем самым задача по опознанию неоригинальных текстов, с одной стороны,

облегчается тем, что формализуется; с другой стороны, вероятность ошибиться, приняв переводной текст высокого уровня за оригинал, а плохой (по крайней мере, нелогичный) текст за некачественный перевод, исключена быть не может. И неясно, существуют ли формальные средства разрешить эту коллизию.

8. Заключение: Ещё раз об узусе

Эта статья не претендует на полноту охвата всех потенциальных признаков текстов, которые способны порождать «впечатление перевода». Здесь были предложены гипотезы и план проведения эксперимента по проверке лишь некоторых из возможных факторов, отвечающих за воздействие на читателя под углом зрения «первичности / вторичности» текста, точнее, производимого им впечатления. Круг рассмотренных здесь потенциальных факторов можно было бы, несомненно, расширить.

Не исключено, что «впечатление перевода» появляется, в частности, при обнаружении однообразия (повторов) одних и тех же слов вместо разветвленной синонимии, о чем писал еще Корней Чуковский, критикуя плохих переводчиков и называя такое явление со свойственной ему веселой жесткостью «малокровием мозга»: «У таких переводчиков нищенски убогий словарь: каждое иностранное слово имеет для них одно-единственное значение. Запас синонимов у них скуден до крайности. Лошадь у них всегда только лошадь. Почему не конь, не жеребец, не рысак, не вороной, не скакун? Лодка у них всегда лодка и никогда не бот, не челнок, не ладья, не шаланда. Дворец – всегда дворец. Почему не замок, не палаты, не хоромы, не чертог?» [3. С. 96–97]. Монотонность употребления одной и той же лексической единицы на протяжении всего текста – еще одни «кандидат» в рассматриваемые здесь факторы.

Допустимо предполагать, что в плане «узуса» ощущение вторичности текста появляется не только в случаях отступления от привычных и наиболее употребительных конструкций, но и – шире, в рамках целого текста – в его чрезмерной «гладкости» и правильности, в недостаточном употреблении идиоматики, как лексической, так и синтаксической, в регулярной двусоставности предложений и отсутствии или нехватке эллиптических конструкций, в чрезмерном употреблении нетипичных для русского дискурса пассивных моделей вместо неопределенно-личных или безличных, в излишней синтаксической громоздкости. Так, в немецком, например, нет конструкций, соответствующих русским с отрицательными местоимениями, начинающимися с ударной приставки или частицы *né-...: Мне некому*

рассказать об этом; Ему не с кем посоветоваться. По-немецки соответствующие смыслы приходится выражать придаточными предложениями: *Es gibt keinen, dem ich das hätte erzählen können; Es gibt keinen, mit dem er sich beraten könnte.* Если переводить с немецкого, «забыв» о синтаксических возможностях русского, то результат получится грамотный, но несколько громоздкий: *Нет никого, кому я мог бы рассказать об этом; Нет никого, с кем он мог бы посоветоваться.* Можно ли рассматривать такие явления как нарушения узуса? Это вопрос спорный. С одной стороны, русский язык вполне допускает подобные обороты. С другой, читатель с выраженным «чувством языка» должен был бы уловить в этом какую-то нарочитость, которую можно было бы назвать и прегрешением против узуса, если понимать узус предельно широко, как наиболее привычное, максимально естественное для носителя языка употребление языковых единиц.

Естественность речи, особенно разговорной или близкой к разговорной, определяется, в частности, идиоматикой. Причем огромную роль в пласте идиом играют синтаксические идиомы (фразеосхемы). Выражениями типа *Сказать, что я довольна, – значит, ничего не сказать; Хоть поживу по-человечески; Вот бы и делал сам; Ещё бы ему этого не знать; Куда ему до тебя; Ein Mann wäre ihr einer zu viel; Und ob er dich beneidet; Dass du ja nicht wegläufst* и множеством других пестрит живая речь. Они, однако, редко приходят в голову переводчикам, особенно начинающим или даже высоким профессионалам в состоянии стресса, спешки, давления обстоятельств, цейтнота. Фразеологические словари фразеосхемы не включают, и этот языковой пласт остается для перевода «в тени», недостаточно широко используется, из-за чего перевод бытовой речи (живых диалогов), публицистики и художественных текстов нередко становится более «чопорным», сухим, и даже более грамотным, чем оригинал. Ощущается ли эта чрезмерная правильность как перевод? Является ли она нарушением узуса в самом широком смысле этого слова? Всё это требовало бы проверки. Проблема в том, что нынче многие публицисты и писатели пишут столь ходульным, столь канцелярским или примитивно-прямолинейным языком, что и непереводаемые тексты зачастую ощущаются любителями русской словесности и знатоками живого русского языка как неестественные. Более того, современные тексты, неплохо или даже талантливо написанные, с точки зрения представителей одного поколения, иногда в плане их стиля категорически неприемлемы для представителей другого поколения.

Все это еще раз побуждает поставить вопрос о том, что же такое узус и не является ли он категорией сугубо субъективной, причем в настоящее время заметно стратифицированной из-за «слома эпох», когда старшие и младшие поколения резко разошлись по степени образования, прежде всего в гуманитарных областях, и их опыт восприятия и порождения текстов также несет на себе отпечаток этого размежевания.

Одним словом, вопрос сформулирован, а отвечать на него придется, по-видимому, путем довольно продолжительного и обширного исследования многих сторон дискурсов и их восприятия и оценки («перевод или не перевод?») различными группами населения. Предстоит определить корреляцию восприятия тех или иных черт текстов с возрастом, местом проживания, образованием, отношением к языку, опытом чтения и некоторыми другими социальными факторами. Это означало бы большой и, по-видимому, многолетний проект, который под силу организовать и осуществить лишь целой группе исследователей.

Библиографический список

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001.
2. Энциклопедия «Кругосвет». Статья «Языковая норма». См.:
http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/NORMA_YAZIKOVAYA.html. Проверено 23.01.2015.
3. Чуковский К.И. Высокое искусство. Собрание сочинений в 15 т. Т. 3 М: Терра – Книжный клуб, 2001.

Использованные для примеров интернет-источники:

http://meddaily.ru/article/23Jan2015/learn_goal
<https://interpreted.d3.ru/comments/654602/>
http://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2015/01/a_6383081.shtml
www.dw.de/за-вкусную-здоровую-и-быструю-еду-немцы-готовы-больше-платить
<http://www.newsru.com/world/26oct2012/silviojailed.html>
<http://www.echo.msk.ru/blog/oreh/1481238-echo/>
<http://www.newsru.com/crime/27jan2015/cityhallshot2polus.html>